

ИНТИМНОСТЬ И ПУБЛИЧНОСТЬ В ОБРАЗОВАНИИ

Сергей Сергеев,
академик РАЕН,
кандидат
психологических
наук

Исторически сложилось так, что образование, будучи по своей сущности глубоко интимным, личностным, представлено в виде социального продукта — публичного по форме и содержанию. Принято считать, что образование может быть получено в процессе обучения и деятельности особых социальных институтов, образующих систему образования. Подчёркивается его технологический характер, открытость и доступность всем и вся. «Поступайте в наш вуз, и мы дадим вам современное европейское образование», «Хорошо бы получить образование в Гарвардском университете», «Он получил приличное образование» — такие и подобные им обороты речи нас совершенно не удивляют, несмотря на их потребительскую направленность. Быть образованным престижно. Для многих образование превращается в цель жизни, на достижение которой бросаются все силы и ресурсы человека: образование любой ценой!

Однако внешняя сторона определяет реальные свойства педагогической системы. О другой, скрытой от глаз окружающих, интимной стороне процесса создания личности в процессе её образования обычно говорят редко. Интимное (франц. *intime* от лат. *intimus* — самый глубокий, внутренний) подразумевает чистосердечные, самые близкие, сокровенные, задушевные, глубоко личные отношения людей; полное доверие без каких-либо взаимных претензий. Когда двое доверяют друг другу, они спокойно открывают свои тайные мечты, делятся восприятием, опытом, свободны в проявлении чувств и поведении, не требуя ничего взамен. Именно такие отношения способствуют резонансу душ, столь необходимому в обучении. Воспитание нового человека — вещь сложная и редко состоит лишь из знаков внимания и фактов любви окружающих. Это, прежде всего, упорный внутренний труд ученика при бережном отношении к нему преподавателя, а труд — всегда интимный процесс преобразований, ведущий к результату — продукту, который в свою очередь публичен и общедоступен.

Публичность отрывает результат от автора и уничтожает личность. Кто это создал? Неважно. Имя создателя превращается в лейбл — метку имени, а его личность остаётся лишь в воспоминаниях современников. Обучение (не путайте с методикой, планом, технологией) всегда интимно, недоступно наблюдению и потому личностно окрашено. Публичность уничтожает индивидуальное, формируя общественный образец — эталон для подражания. Публичное — это то, что общество отбирает у *авторов*, усредняет и превращает в общедоступное. Содержание образования и есть редукция достижений общества, сведение их до уровня доступного пониманию большинства.

Современный эталон школьного образования заключён в аббревиатуре ЕГЭ. В нём отражено понимание образования авторами, излагающими позицию государства. Правда, довольно странно, что образование в их интерпретации сводится только к обезличенному воспроизведению пёстрой мозаики иногда плохо связанных между собой сведений и фрагментов технологий из различных областей человеческого знания. В данном случае мы имеем дело с так называемым технологическим знанием, которое служит базой всех современных моделей образования. Их многообразие, представленное в официальной идеологии образования, отражает экономический интерес общества, стремящегося к унификации и специализации. Обществу нужен

человек-функция, создать которую значительно дешевле и проще, чем воспитать гармоничную и всесторонне развитую личность.

Чтобы быть образованным, недостаточно быть человеком знающим и человеком действующим, на что направлено в основном содержание школьного обучения. Нужно быть и человеком чувствующим, сочувствующим, сопереживающим, культурным. Душевная и духовная стороны образования недостаточно представлены в современной школе, так как гуманитарная компонента образования формируется малоприспособленными для этой цели методами когнитивного обучения, дающими в основном справочные сведения исторического и предметного планов. Школа по-прежнему готовит «строителей» — теперь капитализма, но от этого смысл её бездуховности не меняется. Одна из основных причин этого, по моему мнению, — отсутствие гармонии между составляющими диалектическое единство публичными и интимными компонентами образования.

Внутренний мир человека всегда интимен и принципиально недоступен постороннему взгляду. Именно в нём разворачиваются главные события истории формирования личности, её роста и развития, побед и неудач. Однако в школе внутренний мир ученика мало кого интересует. Школа занята его поведением. Правда, оговоримся, что если бы и интересовал, то всё равно добраться до него было бы трудно, так как непосредственно субъективный мир доступен только одному человеку — самому ученику.

Одно из основных препятствий, затрудняющих доступ к душе ученика, лежит в публичном устройстве института школы и ориентации на массовое обучение. Кабинетное классное обучение вообще не располагает к доверительному общению, а без него нет условий для развития духовной стороны личности. Учитель при контакте с классом не в состоянии достичь частного доверительно-

го общения. Он способен лишь сформировать монологи разной степени сложности и создать эмоциональный и информационный фон обучения. Не спасают положение и попытки административно ввести в учебные планы школ «Основы православной культуры». Разговоры о душе душу не развивают, а способны лишь создавать адептов веры. В результате мы отчётливо наблюдаем в отечественной педагогике разделение обучающей и воспитательной функций, которые в реальности составляют единство, являясь сторонами одного и того же процесса образования. Как следствие, изменяется целевая функция школы — от воспитания широкообразованной гармоничной личности к производству личностей, усвоивших учебную программу. Понятно, что это далеко не одно и то же. Не каждая личность нуждается в предлагаемых образовательной структурой знаниях. Человек не сосуд, который можно наполнить знаниями. Это скорее сосуд, размеры которого изменяются в зависимости от потребностей личности, строящей себя¹. Объём и качество усваиваемого материала зависят от типа и этапа культурного развития человека. Каждому этапу соответствует своя структура знаний, которые могут быть сформированы в ученике посредством его внутренней активности, поддерживаемой усилиями педагога. Можно говорить о существовании циклов развития в виде чередования этапов формирования (строительства) личностно-когнитивных структур, насыщения их информацией, ведущей к трансформации в новое качество и т.д., которые образуют рекурсивную последовательность, повторяющуюся в течение жизни человека. Однажды возникший процесс живёт, непрерывно изменяясь, приобретая новые качества. Потребности растущей личности определяют избирательность когнитивной системы человека по отношению к учебному материалу.

Отметим важную роль в образовательном процессе феномена любви.

1

Сергеев С.Ф. Педагогика самопроектирования личности // Школьные технологии. № 4. 2006.

О нём не принято говорить в официальной педагогике, но именно это чувство пронизывает все стороны педагогической практики, наполняя её живым человеческим смыслом. Чтобы полюбить изучаемый предмет, ученик должен вначале полюбить себя и учителя в нём.

В возникающем «любовном треугольнике» все стороны одинаково важны. Любовь в данном контексте рассматривается как форма положительного интереса к педагогу, выражаемая в желании ученика овладеть изучаемым предметом и стать равным (или превзойти в нём своего учителя). Любовь — важный мотивационный фактор и сильное чувство, направляющие энергию и волю ученика в требуемом направлении. Она позволяет сделать процесс обучения осмысленным и устойчивым. Педагогические методы и приёмы, основанные главным образом на принуждении и использовании оценочных категорий, формируют у большинства учеников негативный эмоциональный фон, отрицательно отражающийся на состоянии их здоровья и успеваемости. Между тем каждый педагог прекрасно понимает, что учиться в счастье и любви гораздо приятнее, чем в тревоге и страхе. Любовь — чувство интимное, и в фазе влюблённости она уменьшает дистанцию между учителем и учениками, способствуя развитию их личностных коммуникаций. Педагог должен любить своих учеников, заботиться о том, чтобы и они его любили и уважали, но при этом уметь точно удерживать дистанцию общения. Наряду с хорошим знанием предмета это профессионально важное качество учителя.

Сохранить дистанцию между учеником и педагогом позволяет педагогический такт. Главная цель педагогического такта — найти меру в отношениях учителя и учащихся в процессе общения. Добавим, что это также и средство защиты внутреннего мира школьника от несанкционированного доступа со стороны взрослого. Устанавливая границу различия между интимной и публич-

ной сферами, педагогический такт играет важную роль в воспитании человека.

Создать мостик между интимными мирами ученика и педагога позволяет понятие счастья. Категория счастья в силу своей сложности и глубокого философского контекста слабо разработана в педагогике. Самые точные дефиниции счастья даны в художественных произведениях. Вспомним А. Грина, который, передавая состояние счастья главной героини феерии «Алые Паруса» Ассоль, пишет: «Глаза девушки, наконец, ясно раскрылись. В них было *всё лучшее человека*». И здесь же: «Она кивнула, держась за его пояс, *с новой душой* и трепетно зажмуренными глазами. Счастье сидело в ней пушистым котёнком». И, наконец:

«на корме с грифом виолончели у подбородка *задумчивый* и хмельной Циммер. Он сидел, тихо водил смычком, заставляя струны говорить волшебным, неземным голосом, и *думал о счастье...*».

Комментарии, я думаю, излишни.

Заметим, что счастье — категория внутрисубъектная, очень личная, и сделать человека счастливым путём воздействия на него извне невозможно. В истории неоднократно предпринимались попытки сделать людей счастливыми, и все они были обречены.

Основным инструментом учителя, разрушающим интимную компоненту образования, а с нею и желание учиться, как это ни странно, выступает отметка, которая в педагогической среде воспринимается лишь в качестве объективной меры уровня знаний и умений учащегося. Воспитательный аспект оценки в основном используют для публичного признания успехов или неудач ученика. Однако это довольно ограниченное понимание

и использование оценочных категорий в обучении. Оценка, прежде всего, влияет на дистанцию общения, уровень самооценки ученика и его место в учебном коллективе. Она входит в структуры самопроектирования личности, определяя её долгосрочное поведение. Можно говорить о стилях «троечника», «хорошиста» и «отличника», сформированных за годы учёбы школьной системой. Эффекты оценочной деятельности сопровождают человека всю жизнь, по-разному проявляясь в различных ситуациях. Оценка, будучи атрибутом публичного и интимного в образовании, одновременно есть и регулятор их баланса и, как следствие, влияет на учебную мотивацию.

Базис обучения интимен. Он связан с продолжающимся опытом жизнедеятельности субъекта, непрерывно ежесекундно изменяющего и порождающего себя. Остановить этот процесс невозможно, как невозможно определить оптимальный момент начала учебной процедуры. Точку входа в процесс обучения определяет ученик, а не учитель, который может влиять только на учебный материал, публично представленный всем, но доступный каждому лишь в конкретной мере. Публичное представление учебного материала всегда источник множественных интерпретаций, отражающих реакцию соприкасающихся с ним личностей. Средства обучения публичны, а их содержательная часть интимна, так как определяется внутренним миром педагога и учеников, каждым в отдельности и их совместной деятельностью. Публичная интерпретация наблюдаемого процесса обучения всегда ложна, так как она отражает результаты действия социальных стереотипов. Степень искажения зависит от того, насколько сильно содержание материала противоречит существующим социальным нормам и традициям. Публичное всегда порождает социальную интерпретацию, исключая в некоторой степени абстрактный материал, отражающий, например, математические конструкты. Математика внесоциальна, хотя и это утверждение достаточно спорно, так как методика преподавания математики несёт серьёзный социальный контекст. Вспомним эволюцию методов обучения арифметике. Так, переход от римской системы представления чисел к индусско-арабской позиционной системе позволил резко упростить освоение метода деления многозначных чисел друг на друга.

В Средние века за умение делить четырёхзначные числа друг на друга по римской системе можно было получить магистерскую степень. Метод освоения процедуры деления чисел был громоздким и запутанным. Сейчас задача деления доступна даже школьникам начальных классов.

Самая интимная дисциплина в школе — литература. Именно она оказывает значительное влияние на развитие и формирование человеческих качеств учеников, становление их гражданской позиции, воспитание патриотизма. К сожалению, здесь чаще всего проявляются недостатки широко распространённого когнитивного подхода к воспитанию. Традиционно методика изучения литературы, принятая в россий-

ской школе, строится на основе публичного обсуждения и оценки учениками поведения героев произведений, изложения своей точки зрения, пересказа сюжета, написания сочинений на заданную тему и т.д. Считается важным научить ученика отстаивать свою точку зрения, гражданскую позицию, обучить правильному публичному поведению.

Однако грань между достигаемым педагогическим эффектом и возможностью получить обратный результат очень тонка, и не каждый учитель может удержаться и не перейти её. Дело в том, что реакция на литературное произведение — слишком сильный индикатор состояния человеческой души, к тому же поставленной в экстремальные условия сюжетом, поведением героев. Литература — это «потрясение души», испытание её прочности. Детская душа очень хорошо это чувствует и не спешит давать ответ на провокации педагога, желающего узнать, например, о чём думал Овод в момент расстрела. Для ребёнка погружение в литературное произведение — это вновь пережитая жизнь, насыщенная аффектами и оттенками чувств, мало отличающаяся, а порою и превосходящая действительность по силе эмоционального воздействия на личность. Это его собственный интимный опыт, ведущий к развитию личности. В качестве защиты от мнения окружающих ребёнок вынужден применять штампы и стереотипы, идущие от рационального механизма литературного анализа, предлагаемого методикой обучения. Эмоции и душевные переживания человека, делающие его человеком, заменяются скриптами, лишёнными чувств. Так человек получает первый опыт использования лжи в социальной жизни, и первым учителем его на этом пути, как ни странно, становится школа. Человеческая душа инстинктивно стремится защититься от публичного насилия над нею и использует методы активного вытеснения школьного материала из сферы сознания. В результате редко

кто помнит содержание книг, которые «проходили» в школе. Подчеркнём: «проходили», а не «переживали».

Большой объём литературных источников, подлежащих изучению в рамках школьной программы, формализация преподавания ведут к появлению сокращённых вариантов произведений, их кратких изложений, комментариев и соответствующих методов обучения в форме литературных обзоров, мнений критиков, личного интерпретационного опыта учителей. Рассказать о первой любви и пережить её — далеко не тождественные вещи для человеческой души.

Великая сила искусства в воспитании души отмечается в работах В.П. Зинченко, который пишет, что «искусство — символический язык души», который непосредственно понятен каждому. Искусство придаёт совершенную форму человеческому опыту. Подлинное произведение искусства замечательно тем, что в нём присутствует душа художника, вложенная им при его создании².

Думаю, что практикам и теоретикам образования следует уделить внимание специфике изучения учебных предметов, которые воспитывают интимную сторону души человека. Возможно, в первые годы изучения литературы следует отменить традиционные методы оценки, поверив ребёнку, относясь с уважением к его интимному опыту литературного погружения как частному, приватному, личному не подлежащему публичной оценке и интерпретации. Заметим, что воспитательный эффект многих образцов мировой литературы не меньше получаемого в школьной педагогической ситуации.

Особое место в механизмах регуляции отношений между публичным и интимным принадлежит чувству стыда и его рациональному двойнику — совести. Чувство стыда — первичное основание человеческой нравственности, проявляющаяся в процессе осуждения человеком своих неблагоприятных поступков, поведения, не соответствующего

шего моральным и этическим нормам. Оно защищает детей от неблагоприятных поступков, даёт первичный опыт человеческих отношений. Стыд оберегает интимную сферу ученика, не позволяя совершать поступки, доступные публичному осуждению. К. Изард считает, «что стыд оберегает целостность личности путём увеличения чувствительности человека к указаниям, что его Я слишком открыто и обнажено»³. Человек остро переживает эмоцию стыда и стремится избежать её повторения, что способствует развитию социальной конформности и социальной ответственности. Рассматривая происхождение отношений между стыдом и интимностью, Изард пишет о том, что их связь имеет основание в отношениях матери и ребёнка и служит базой для развития социального. Отношение к переживаниям стыда маленьких детей требует внимания и чуткости, поскольку стыд препятствует общению и межличностным контактам⁴. Это необходимо учитывать в педагогической практике и особенно при обучении учеников младших классов. Учителя часто используют обращение к чувству стыда и совести учеников в процессе достижения педагогических целей, однако частая прямая апелляция учителя к этим категориям может вызвать протест ученика с соответствующей реакцией. Вместе с тем эти механизмы хорошо поддаются косвенному регулированию. Часто достаточно внимательного взгляда, кивка головы, паузы, чтобы привести в действие регулятивные механизмы контроля интимной сферы ученика.

Каждый строит свою жизнь в соответствии с известным только ему замыслом, отражающим смысл жизни человека. «Смысл жизни? Смысл *моей* жизни. Каждая книга, стоящая в мамин стеллаже, содержит замысловатые ответы на этот вопрос. Мы все существа, ищущие смысл жизни, — пишет Ирвин Ялом, — которые испытывают беспокойство оттого, что их закинули

2

Зинченко В.П. Размышления о душе и её воспитании (Час Души). Доклад на Международном симпозиуме «Духовность детства». Мачида (Япония), 21–23 августа, 2001.

3

Изард К. Эмоции человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 354.

4

Там же. С. 369.

Ялом И. Мамочка и смысл жизни. Психотерапевтические истории. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.

в бессмысленную вселенную. Чтобы избежать нигилизма, мы должны поставить перед собой двойную задачу. Во-первых, изобрести проект смысла жизни, достаточно убедительный для поддержания жизни. Следующий шаг — забыть о факте изобретения и убедить самих себя, что мы просто открыли смысл жизни, то есть у него независимое происхождение»⁵. Поиск смысла жизни — это процесс непрерывного проектирования и уточнения стратегического плана развития личности, а ресурсы, обеспечивающие его реализацию, появляются в процессах познания и обучения. Смысл жизни — живая, глубоко интимная сторона человека, которая постепенно проявляется в его публичной деятельности в форме морали и этики, хотя это далеко не тождественные понятия.

Отношения между публичным (внешним) и интимным (внутренним) образуют динамическую границу различий между субъективным миром человека, личностью и миром человеческой действительности, и обществом. Нарушения этой границы в ту или иную сторону ведут к значимым и порою необратимым деформациям личности. Понятно, что крайностей в отношениях публичного и интимного желательно избегать.

Интимное и публичное существуют в форме бинарной оппозиции. Интимное алогично и неуправляемо. В нём человек остаётся самим собой, здесь нет смысла в общественной игре, нет ролей. Публичное же театрально, логично и понятно, и потому кажется типичным и незаметным. Публичное — социальная маска, и поэтому оно легко осваивается любителями формы. Эта форма не всегда соответствует содержанию, и только интимное наполняет её сущностью. Личность без культуры интимного — манкурт, не помнящий родства, без ориентиров, желаний, направления развития. Уничтожение интимно-

го — развращение и излом души. Это база для наркомании и бездуховности. Стремление педагогов сделать обучение публичной, широко обсуждаемой деятельностью учеников имеет свои «подводные камни». Публичное в его прямой форме губительно для души, которая не может прочесть его смыслы и становится беззащитной перед обществом. Интимное образует координаты роста духовного. Человек развивается в этих координатах как личность растущая, способная к восприятию и принятию культуры.

Заметим, что личность в процессе становления и социализации часто использует механизм изменения дистанции для решения задач идентификации, определения своего места в обществе. Стремление к публичности — основа детского максимализма. Оно одновременно и основа, и защита интимности, попытка заявить права на уважение со стороны окружающих. Протескные формы публичности в образовании, проявляющиеся в демонстративном поведении ученика и протесте в ответ на «диктат педагога», — попытка сохранить основы человеческой природы и проба сил для дальнейшего развития.

Задачи системы образования не только в том, чтобы обучить ученика основам технологии и культуры, но и в создании моста между интимным миром *ученика* и публичным миром *общества* с целью гармоничного баланса между ними. В данном контексте можно говорить о появлении педагогики социализации, имеющей свои специфические задачи, отличающиеся от задач когнитивного научения и воспитания. Педагог должен уметь уважать и обеспечивать интимность внутренней жизни ученика, признавая одновременно его права и свободы в публичной сфере, что в итоге поможет растущей личности стать по настоящему образованным человеком. **НО**